

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философские труды Плеханова — это яркие страницы борьбы русских марксистов за научное материалистическое мировоззрение в конце XIX — начале XX в., борьбы, опирающейся на все ценные завоевания научной и философской мысли человечества. Сочинения Плеханова по истории философии показывают их автора как защитника и поборника материалистических и диалектических традиций; в его лучших марксистских трудах принципы диалектического и исторического материализма применены к научному анализу истории человеческой мысли, к истории идеологий. Вместе с тем они представляют собой образец научного, марксистского, хотя и не всегда последовательного, решения важных методологических проблем истории философии.

В работах по истории философии, как и в других сочинениях Плеханова, что уже показано выше, обнаружались сильные и слабые стороны его теоретической деятельности. С одной стороны, в марксистских произведениях Плеханова нашли отражение его энциклопедическая образованность, блестящий талант ученого и писателя-полемиста, глубокая убежденность в правоте философии марксизма, страстность в защите материалистического мировоззрения от его явных и скрытых врагов. С другой стороны, в произведениях Плеханова, особенно в тех из них, которые написаны после 1903 г., в меньшевистский период, содержатся ошибки и отступления от марксистской философии и обнаруживается непоследовательность в проведении принципов материалистической диалектики, абстрактно логический подход

к ней, недооценка диалектики как науки; в это время он допускает в ряде случаев сближение марксистского пролетарского мировоззрения с прогрессивными домарксистскими философскими и социально-политическими учениями; явно недостаточно он обращает внимания на теорию познания, на достижения естествознания, оказывающего большое влияние на развитие философской мысли. В своих сочинениях, относящихся к XX в., Плеханов не смог творчески разработать марксистскую философию применительно к условиям империализма, учесть новый опыт революционного рабочего движения и новейшей революции в естествознании, что предопределило известную недостаточность и ограниченность плехановской критики буржуазной философии и философского ревизионизма.

Несмотря на непоследовательность и противоречивость философских воззрений Плеханова-меньшевика, его философские сочинения, написанные и после 1903 г., в частности его выступления против неокантианства, махизма, богдановского «эмпириомонизма», против богостроительства, богостроительства и других религиозно-мистических воззрений, против «веховства» и других буржуазных течений в России, способствовали борьбе научно-материалистического мировоззрения против идеализма.

В истории научно-материалистического мировоззрения в российском и международном рабочем движении Плеханов предстал как крупный теоретик с громадными заслугами в борьбе против философии антимарксизма, человек, которому серьезные ошибки в вопросах тактики в 1903—1907 гг. не помешали в лихолетье 1908—1912 гг. воспевать подполье и разоблачать его врагов.

Лучшие работы Плеханова могут принести немалую пользу и современным борцам за научное материалистическое мировоззрение. Содержащаяся в марксистских трудах Плеханова глубокая и яркая аргументация, обширно привлекаемый им разносторонний и убедительный материал по всемирной истории философской мысли, пронизывающая эти труды вера в силу и мощь человеческого разума, в неограниченные возможности науки и материалистической философии пробуждают живую мысль, стремление к научному исследованию истории духовного развития человечества, готовность отстаивать

его лучшие, прогрессивные традиции. В плехановских сочинениях поставлены многие научные проблемы истории философии и общественной мысли, решение которых занимает ныне и будет долгое время занимать умы историков, философов, экономистов.

Историко-философские работы Плеханова, как и другие его марксистские произведения, ясно показывают, сколь глубоко прав был Ленин, считавший их лучшими во всей международной литературе марксизма (применительно к эпохе II Интернационала).

Однако было бы серьезной ошибкой предать забвению отступление Плеханова от философии марксизма в меньшевистский период, не видеть взаимного влияния этих отступлений и политического оппортунизма Плеханова после 1903 г., не замечать, что слабой стороной его теоретических воззрений было неумение творчески применить марксизм к новым историческим условиям. Плеханов нередко отступал от диалектики при решении вопросов русской революции, подчас подменял марксистскую диалектику софизмами, особенно в годы первой империалистической войны, когда он разделял социал-шовинистскую позицию поддержки Антанты в мировой войне.

Было бы вместе с тем упрощением представить дело так, что изменение политических и тактических взглядов Плеханова в результате его меньшевизма автоматически вело за собой полное отступление от философии марксизма, отказ от диалектического и исторического материализма.

Ленин в своих работах раскрывал сложность и противоречивость процесса развития взглядов Плеханова в меньшевистский период.

В 1906 г. Ленин писал, что теоретические работы Плеханова и прежде всего критика им народников и оппортунистов «остаются прочным приобретением с.д. всей России... Но как политический вождь русских с.д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 375.

С Плехановым после 1903 г. произошло то, против чего в конце 90-х годов он предупреждал Бернштейна, — уклонение от революционного духа марксизма.

Еще накануне II съезда РСДРП обнаружилась склонность Плеханова к абстрактно-логическому пониманию вопросов стратегии и тактики революционной борьбы, проявившаяся в его проектах программы РСДРП и в его разногласиях по этому вопросу с Лениным. В своем проекте программы партии Плеханов не учитывал особенностей развития капитализма и борьбы рабочего класса в России, в результате чего его проект программы был более подходящим в качестве учебника, чем в качестве программы борющейся партии. Плеханов не включил в проект программы пункт о диктатуре пролетариата. Только благодаря настояниям Ленина этот пункт, равно как и ряд других принципиальных положений, был включен в программу РСДРП, принятую II съездом партии.

Еще будучи революционным марксистом, Плеханов допускал непоследовательность в своей критике врагов марксизма. Так, в своей брошюре «Анархизм и социализм» он критиковал анархизм, не касаясь важнейших вопросов о государстве, об отношении пролетарской революции к государству; аналогичный недостаток Ленин отмечал и в плехановских работах, направленных против бернштейнского ревизионизма, который извращал учение Маркса о государстве, о диктатуре пролетариата. Ленин писал в книге «Государство и революция»: «Бернштейна многие опровергали — особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об *этом* извращении Маркса Бернштейном *не* говорили»¹.

Непоследовательность Плеханова в применении принципов марксистской диалектики к анализу общественной жизни новой исторической эпохи сказалась в решении им проблем тактики русской революции. Ссылаясь на революционную роль буржуазии во французской революции 1789 г. и в других западноевропейских буржуазных революциях, отвлекаясь от конкретно-исторической обстановки России, Плеханов делал неправильный вывод, что раз в России предстоит буржуаз-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 400.

ная революция, то не пролетариат, а буржуазия явится руководящей силой, гегемоном в русской буржуазно-демократической революции. Вместе с тем Плеханов, подобно другим теоретикам II Интернационала, недооценивал революционного крестьянства, не видел противоречивой его природы в условиях капитализма и часто рассматривал крестьянство как силу консервативную.

Отступая и в этом случае от марксистской диалектики, Плеханов после 1903 г. боролся против большевистского лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Политический и тактический оппортунизм Плеханова накладывал свой отпечаток и на его философские взгляды, вел к отступлениям от истины, от диалектического материализма; его отступления от марксистской диалектики, как показано выше, в свою очередь вели к неправильным, меньшевистским политическим выводам. Так, например, выступив после неоднократных запросов и требований рабочих и революционных интеллигентов — социал-демократов со статьями против махистов и богостроителей в русской социал-демократии («Materialismus militans», «О так называемых религиозных исканиях в России» и др.), Плеханов в то же время, как отмечал Ленин, «в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму»¹.

Осуждая Плеханова за фракционные меньшевистские попытки приписать махистские философские взгляды большевикам и критикуя его за ошибки в толковании диалектического материализма, Ленин вместе с тем оценил его выступления за материализм против буржуазной идеалистической философии и антиматериалистических течений в рабочем движении.

В 1908 г. Ленин писал А. М. Горькому о Плеханове: «Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело»².

Не раз Плеханов вступал в союз с большевиками для совместной борьбы с контрреволюционным либера-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 340 (примечание).

² В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 332.

лизмом и ренегатами-ликвидаторами. Незадолго до первой мировой войны, в мае 1914 г., в статье «Идейная борьба в рабочем движении» Ленин писал, что Плеханов «сам был в очень многих пунктах¹ близок меньшевикам и тем не менее признал прямо, что меньшевики вобрали в себя интеллигентски-оппортунистические элементы, что ликвидаторы — продолжатели ошибок «экономизма» и разрушители рабочей партии»².

Ленинское отношение к марксистским философским трудам Плеханова, созданным в 1883—1903 гг. и в период борьбы с махизмом и ликвидаторством (1908—1913 гг.), не было поколеблено и после того, как Плеханов с 1914 г. изменил революционному марксизму, став социал-оборонцем, а в 1917 г. выступал против линии большевистской партии на социалистическую революцию в России, против ленинской теории социалистической революции.

После смерти Плеханова (он умер 30 мая 1918 г.), когда был подведен известный итог политического пути человека, который был пионером пролетарского научного социализма в России и оказался под конец своей жизни противником социалистической революции пролетариата, Ленин неоднократно в своих работах и выступлениях обращался к вопросу о Плеханове, призывая изучать его марксистские философские труды.

В своей брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина» Ленин ясно определил принципиальное отношение большевистской партии к марксистским философским трудам Плеханова. Он требовал, чтобы они были изданы и обязательно изучались в учебных заведениях страны пролетарской диктатуры.

В трудах Ленина дана всесторонняя и глубокая оценка общественно-политической и теоретической деятельности Плеханова, сохраняющая свою силу и значение и в наше время.

Об этом тем более необходимо напомнить, что в нашей общественной науке и литературе допускались

¹ «Почему мы говорим в «очень многих пунктах»? Потому что Плеханов занимал особую позицию, много раз отходя от меньшевизма...» В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 256 (примечание).

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 256.

отступления от ленинских оценок Плеханова и его теоретических работ, в том числе его марксистских трудов по философии.

В 20-х годах некоторые советские философы и литературоведы, допуская ревизию марксистско-ленинских принципов, выдвигали неправильный лозунг «плехановской ортодоксии», противопоставляли Плеханова-теоретика Ленину, которого неправильно называли преимущественно практиком, отрицали связь политического оппортунизма Плеханова в меньшевистский период его деятельности с его ошибками в философии. Группа механистов, в которой большую роль играла ученица Плеханова Л. И. Аксельрод, занималась апологетикой всего того, что написано Плехановым, повторяла и усугубляла его ошибки в философии («иероглифизм», недооценка диалектики как теории познания и т. д.), доводила до крайности имевшееся у Плеханова в отдельных случаях сближение философии Маркса с домарксистским материализмом и т. д. Руководящая группа журнала «Под знаменем марксизма» во главе с А. М. Дебориным превращала Плеханова в «икону», не критиковала его серьезных ошибок в философии, в новых условиях допускала тот порок, который был присущ Плеханову-меньшевику и другим теоретикам II Интернационала, — отрыв теории от практики революционного рабочего движения¹. И те и другие по существу отрицали ленинский этап в философии марксизма, непомерно возвеличивая при этом роль философских работ

¹ Характерно, что и поныне враги марксизма используют былые неверные суждения А. М. Деборина о Плеханове, для того чтобы противопоставить их советской философии. Так, например, профессор Ватиканского института Г. Веттер в своей книге «Диалектический материализм, его история и его система в Советском Союзе», говоря о советской философии, возвращается к неправильным оценкам, которые давал Ленину и Плеханову А. М. Деборин. Он пишет: «Для ортодоксов было совершенно неприемлемо суждение Деборина о Ленине в его работе «Ленин как мыслитель»: «Оба эти мыслителя (Плеханов и Ленин) в известном смысле дополняют друг друга... Плеханов прежде всего теоретик. Ленин же прежде всего практик, политик, вождь...» Ясно, что о таком суждении, которое делало меньшевика Плеханова учителем Ленина в области теории, должно было встретиться сильные возражения» (G. Wetter, Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, S. 186—187).

Плеханова, в том числе и тех, которые написаны в XX в.

Подобные ошибочные взгляды на Плеханова и его труды преодолены советскими учеными под руководством Коммунистической партии.

Однако в некоторых книгах, посвященных Плеханову, и во многих статьях о нем в 30—40-х годах допускались перехлестывания в критике ошибок Плеханова, проявлялась недооценка его марксистских работ по историческому материализму, истории философии и эстетике.

Отдельные авторы по существу ставили под сомнение марксистский диалектико-материалистический характер работ Плеханова периода 1883—1903 гг., утверждая, что в этих работах он был оппортунистом и меньшевиком. Отступая от ленинского исторического подхода к Плеханову они утверждали, что он и в 1883—1903 гг. не был до конца диалектическим материалистом. При переходе после 1903 г. к оппортунизму произошел, с точки зрения этих авторов, лишь количественный рост антимарксизма, оппортунизма в работах Плеханова. Наиболее отчетливо этот взгляд был выражен во вступительной статье В. Вандека и В. Тимоско к сборнику произведений Г. В. Плеханова «Против философского ревизионизма». Если верить этим авторам, то Плеханов никогда революционным марксистом не был, все труды его сотканы из грубых искажений, сознательных извращений марксизма и т. п. Повторялись такие утверждения и во многих журнальных статьях и диссертациях. Характерно, что на этих нигилистических оценках теоретической деятельности Плеханова и поныне спекулируют враги марксизма за границей. Например, профессор-иезуит Г. Веттер, воспроизводя в первом, итальянском издании своей книги «Диалектический материализм, его история и его система в Советском Союзе» высказывания Вандека, Тимоско и некоторых других авторов о Плеханове, приписывает Плеханову агностицизм, примирение с кантианством, социальный дарвинизм, фатализм и т. п. Подхватывая и нагромождая все эти неверные обвинения в адрес Плеханова, Г. Веттер стремится «развенчать» марксистские философские произведения Плеханова и изобразить их как «труды небольшой философской ценности».

Изложенная антиисторическая, вульгаризаторская точка зрения на марксистские философские труды Плеханова 1883—1903 гг. отступает от ленинизма, противоречит исторической правде: Плеханов был в то время революционным марксистом, видным теоретиком марксизма и отступил от революционного марксизма к меньшевизму после 1903 г. в значительной мере под сильным влиянием оппортунизма II Интернационала в результате длительного отрыва от российского революционного рабочего движения. До этого он вел войну с оппортунизмом и ревизионизмом, хотя и допускал подчас серьезные ошибки, о чем уже сказано выше.

В литературе о Плеханове по вопросам философии было немало спорных и, на наш взгляд, ошибочных утверждений: писали, будто Плеханов считал марксизм синтезом гегелевской диалектики и феербаховского материализма, не понимал качественного различия между марксизмом и предшествующими философскими учениями и даже, как утверждали некоторые авторы, допускал «каутскианское отождествление» пролетарского и буржуазного мировоззрения. Дело подчас представлялось так, что марксизм для Плеханова — какая-то амальгама идей Маркса с предшествующими буржуазными учениями; тем самым по существу ставилась под сомнение диалектико-материалистическая позиция Плеханова в философии.

Факты опровергают утверждения о том, что Плеханов не понимал пролетарски-революционную сущность философии марксизма. Плеханов считал, и считал справедливо, что философия марксизма — высший результат развития человеческой мысли. Но вместе с тем он ясно понимал качественно новую роль философии марксизма, как мировоззрения революционного пролетариата. Как уже указывалось выше, именно Плеханов сказал, что материалистическая философия Маркса явилась подлинной революцией, самой великой революцией, какую только знает история человеческой мысли. Несмотря на отдельные нечеткие и ошибочные формулировки по вопросу о философских источниках марксизма, допущенные в работах, относящихся к меньшевистскому периоду, Плеханов понимал глубокое качественное различие между марксовой диалектикой и диалектикой Гегеля, видел, что Маркс и Энгельс подвергли философию Фейербаха

коренной переработке. В своих работах Плеханов со всей определенностью показал, что появление марксизма — не результат филиации идей Гегеля и Фейербаха, а итог великого исторического движения, классовой борьбы пролетариата.

Плеханов, выражавший в двадцатилетний период (1883—1903 гг.) своей революционно-марксистской деятельности точку зрения революционного пролетариата, отнюдь не сводил мировоззрение пролетариата, его философию к объединению, синтезированию различных направлений философской буржуазной мысли, хотя и прогрессивной. Интересно отметить, что католический критик марксизма Г. Веттер подхватывает эту несправедливо приписываемую Плеханову точку зрения, будто марксизм есть синтез гегелевской диалектики и феербаховского материализма: «Гегелевская диалектика и материализм Фейербаха, — пишет Веттер, — являются как бы краеугольными камнями марксистского философского здания. Тем не менее нынешние советские философы протестуют против этого мнения, в том числе и против взглядов Плеханова, которые рассматривают диалектический материализм Маркса как синтез гегелевской диалектики и феербаховского материализма»¹. Уцепившись за неправильные положения отдельных советских философов, Г. Веттер пытается принизить философию марксизма, изобразить ее несамостоятельным учением, неправоммерно соединяющим в себе противоположные взгляды и т. п.

В прошлом многие теоретические работники, в том числе и автор этих строк, утверждали, будто всей теоретической деятельности Плеханова присущ догматизм, отрыв теории от практики, свойственный партиям II Интернационала, недооценка субъективного фактора революции, в том числе и революционной теории. Эти серьезные недостатки и ошибки действительно имели место в ряде меньшевистских работ Плеханова, особенно в период первой русской революции, которой он по настоящему не понял, в его выступлениях периода первой мировой войны, когда Плеханов допустил самый вопиющий отрыв теории от практики, отступив от принципов

пролетарского интернационализма, от решений о борьбе с империалистическими войнами, принятых при его активном участии на конгрессах II Интернационала, и изменил тем самым революционному марксизму; особенно это относится к 1917 г., когда Плеханов, попавший под влияние оппортунистических догм II Интернационала, в частности пресловутой теории «производительных сил», отрицал возможность и закономерность социалистической революции в России.

Но было бы отступлением от исторической правды перенести все, что правильно сказано о проявлениях догматизма и отрыва теории от практики для Плеханова-меньшевика, на Плеханова — революционного марксиста. Неверно утверждать, как это иногда у нас делалось, что и в первое двадцатилетие своей марксистской деятельности теория Плеханова была оторвана от практики, что в философии Плеханов был догматиком.

Правда, и в работах периода 1883—1903 гг., главным образом в политических документах, например в своем проекте программы Российской социал-демократической рабочей партии, Плеханов допускал абстрактность, отвлекался от особенностей развития капитализма в России, слишком часто прибегал к аналогиям и параллелям с Западом.

Плеханов в этот период стремился связать теорию марксизма, его философию с практикой русского и международного рабочего движения. Однако, известная слабость его теоретических воззрений — неумение творчески развить марксизм применительно к новым историческим условиям начинала проявляться уже в это время. Она сказалась, например, в непонимании того, что капитализм переходит от доминирующей стадии своего развития к империалистической, в непонимании того, что пролетариат России, куда перемещался центр международного революционного движения, начинает играть авангардную роль в международном рабочем движении, в непонимании всей важности союза рабочего класса с крестьянством. Борясь за создание марксистской партии рабочего класса в России, Плеханов не понял, что в новых исторических условиях, сложившихся на рубеже XIX—XX вв., эта партия должна быть партией нозого типа, существенно отличающейся от партий II Интернационала.

¹ G. Wetter, Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, S. 63.

Эти теоретические слабости и ошибки Плеханова, способствующие его политическому грехопадению после 1903 г., не означают однако, что его марксистские философские труды потеряли всякую ценность для практики международного рабочего движения.

Недооценка марксистских трудов Плеханова проявлялась также в том, что отдельные теоретические работники относились к марксистским работам Плеханова, в том числе и к тем, что направлены были против буржуазной философии и социологии, а также против философского ревизионизма, как к пройденным этапам истории революционного рабочего движения, устаревшим и в наше время потерявшим свое значение и силу. Критикуя современные буржуазные философские и социологические воззрения, некоторые авторы и ныне обходят марксистские труды Плеханова, не используют его ценнейшее наследство, его многогранную эрудицию, богатую и убедительную аргументацию, которая помогает развить идеалистов, агностиков и других врагов марксизма.

Марксистские труды Плеханова, особенно философские, могут принести пользу в критике идеалистических философских и социологических «теорий» современного ревизионизма, распространенного в партиях Социалистического Интернационала и захватывающего некоторые неустойчивые и незрелые элементы в коммунистических и рабочих партиях.

Лучшее из того, что было сказано в свое время Плехановым, поучительно и приемлемо и для нашего времени. Так, например, говоря о терпимости в с.-д. партиях II Интернационала в отношении оппортунистической опасности, в частности против того, что немецкие социал-демократы считают Бернштейна «товарищем» и не удаляют из партии, Плеханов в 1901 г. дает правильное решение вопроса о различии мнений в марксистской партии и борьбе за чистоту марксистского мировоззрения. По поводу терпимости к оппортунистам он пишет: «Это отчасти объясняется очень распространенным теперь между социал-демократами всех стран *ложным взглядом на свободу мнений*. Говорят: «как же исключить человека из партии за его взгляды? Это значило бы преследовать его за ересь». Люди, рассуждающие таким образом, забывают, что *свобода мнений* необходимо

должна дополняться свободой взаимного сближения и расхождения и что эта последняя свобода не существует там, где тот или другой предрассудок заставляет идти вместе таких людей, которым лучше разойтись ввиду различия их взглядов... Социал-демократы, оставшиеся верными революционному духу своей программы, — и они, к счастью, почти везде еще составляют большинство, — сделают непоправимую ошибку, если не примут своевременно решительных мер для борьбы с этой опасностью»¹.

Материалистическое понимание истории, в котором Плеханов видит глубочайшую основу научного социализма, дало ему возможность приподнять завесу над «действительностью будущего», раскрыть перспективы социализма. Народные массы, утверждает он, творят историю не по капризу и произволу тех или иных влиятельных личностей, не по той или иной заранее предначертанной и точно расписанной схеме. Социализм, доказывает Плеханов, должен неизбежно победить, ибо его наступление обусловлено объективными законами истории, но становление и победа социализма зависят не только от законов общественного развития, но и от инициативы рабочего класса, от глубины исторического действия масс; «народ, вся нация должна быть героем истории»².

Борьба Плеханова за научное материалистическое мировоззрение в международном рабочем движении в 80—90-х годах XIX в. не ограничивалась острой и обостренной критикой антимарксистских философских и социологических теорий. Борьба за научное материалистическое мировоззрение в конце XIX в. означало разрабатывать новые вопросы марксистской философии. Плеханов уже в 1883 г. писал: «За установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, разработка, дополняющая и завершающая переворот, совершенный в науке авторами «Коммунистического Манифеста»»³. И Плеханов сосредоточил главное свое

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, стр. 401.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 11.

³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, стр. 69—70.

внимание на конкретизации тех идей и положений исторического материализма, которые в принципе, в основном были определены Марксом и Энгельсом, но не могли быть за недостатком времени детально обоснованы и разработаны. Эти идеи и положения исторического материализма (о роли идеологий, личности в истории, проблемы эстетики и др.), обоснованные и конкретизированные в марксистских трудах Плеханова, и ныне не потеряли своей актуальности и представляют большой интерес для международного коммунистического движения.

Об этом тем более необходимо напомнить, что и ныне не прекратились попытки реакционеров извратить роль марксистских трудов Плеханова и использовать их против коммунизма. Так, например, некий Г. Кон в книге «Дух современной России» воспроизводит лживые утверждения Н. Бердяева, будто Плеханов опровергал Ленина и большевиков еще до того, как они стали существовать, ибо он «особенно выступал против идеи захвата власти революционной социалистической партией. Он полагал, что такой захват был бы величайшей ошибкой и чреват в будущем реакцией»¹.

Бердяев, а за ним и Кон совершают чудовищную спекуляцию, механически перенося то, что было сказано Плехановым против беспочвенных «теорий» Ткачева о захвате власти «партией» (вернее кучкой) интеллигентов-заговорщиков, на революционное движение рабочего класса.

Плеханов в период, когда он был революционным марксистом, свои надежды на социалистическое будущее общества связывал с переходом власти в руки рабочего класса, возглавляемого марксистской партией, и не сомневался в том, что этот переход может произойти только революционным путем.

Плеханов доказывал в своих трудах, что общественная наука, вооруженная методом материалистической диалектики, основывающаяся на теории исторического материализма, в состоянии, опираясь на знание современных общественных отношений, предвидеть ход исторического развития, наступление новых общественных

явлений. В предисловии к книге Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», критикуя бернштейнское отрицание возможности науки о социализме, как и общественной науки вообще, Плеханов писал: «...Сознательная и в этом смысле свободная деятельность людей возможна только потому, что их действия необходимы... Если бы действия людей не были *необходимы*, то их невозможно было бы *предвидеть*, а там, где невозможно никакое предвидение, нет места и для свободной деятельности в смысле сознательного влияния на окружающую жизнь»¹. Вслед за Энгельсом Плеханов доказывает, что «средства для устранения общественного зла не могут быть изобретены, т. е. *придуманы* каким-нибудь гениальным мыслителем, а должны быть *открыты* в изменившихся экономических отношениях данной эпохи»².

Социологическое предвидение, по Плеханову, вполне возможно в том смысле, что оно на основании существующих общественных отношений, заключенных в них противоречий и тенденций, может определить общий характер и направление, исход и общие результаты общественного процесса. Но социологическое исследование, если оно хочет оставаться в рамках науки, не может заниматься предсказанием отдельных событий.

В своих теоретических трудах Плеханов не раз говорил о том, что истина всегда конкретна, о том, что на каждом этапе жизни общества есть много своеобразного и особенного, которое можно правильно понять только на основе конкретно-исторического подхода. Так, на II Съезде РСДРП Плеханов говорил по поводу принципа политической демократии:

«Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради

¹ См. «The Mind of Modern Russia», ed. by H. Kohn, Rutgers University Press, New Brunswick, New Jersey, 1955, p. 252.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, стр. 43.

² Там же, стр. 46.

успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежащих к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила: *salus revolutiae suprema lex*. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода *chambre introuvable*, — то нам следовало бы стараться сделать его *долгим парламентом*; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели¹. Однако Плеханов был непоследователен в этом вопросе и нередко, особенно в меньшевистский период, отступал от требований конкретно-исторического подхода к действительности, вытекающего из марксистской диалектики. Об этом, как уже говорилось, свидетельствует его абстрактно-логический подход к русской революции и ее движущим силам, которые он рассматривал по аналогии с буржуазными революциями Запада.

Социал-демократические партии Запада предали забвению марксистские труды Плеханова, о нем вспоминают лишь при необходимости воскресить те или иные эпизоды его борьбы с Лениным, с большевиками в меньшевистский период деятельности Плеханова, и, наоборот, его труды привлекают к себе неизменное внимание и интерес коммунистических и рабочих партий социалистических стран и стран капиталистического мира.

¹ Протоколы II Съезда РСДРП, Л., 1924, стр. 156.

В наши дни марксистские партии, следующие идеям ленинизма, творческого марксизма современности, обращаются и к лучшим марксистским трудам Плеханова, в которых дается разъяснение важнейших положений диалектического и исторического материализма, критика буржуазной философии и философского ревизионизма. Вместе с тем коммунистические и рабочие партии с позиций ленинизма критически оценивают слаботи и ошибки в теоретических воззрениях Плеханова, осуждают его политический оппортунизм меньшевистского периода.

Лучшие марксистские произведения Плеханова переводятся на иностранные языки и издаются в прогрессивных издательствах зарубежных стран. В послевоенные годы знаменитая книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» была переведена и издана на китайском, английском, французском, польском, болгарском, корейском и других иностранных языках. Другое выдающееся произведение Плеханова — «К вопросу о роли личности в истории» — в послевоенный период было выпущено на китайском, немецком, французском, английском, испанском, итальянском, корейском, чешском, сербском, хорватском и других языках. Замечательная книга Плеханова «Очерки по истории материализма» была переведена и издана в эти же годы в Польше, Чехословакии (два издания), в Германской Демократической Республике и в других странах. Во Франции была переведена и издана в «Марксистской библиотеке» книга Плеханова «Основные вопросы марксизма»; ее издали также в Польше и в других социалистических странах. В Германской Демократической Республике, во Франции, в Польше и других странах были переведены и изданы работы Плеханова по вопросам литературы и искусства.

Вопрос о месте Плеханова в российском и международном рабочем движении и ныне привлекает внимание исследователей, как прогрессивных, так и реакционных.

Американский прогрессивный ученый Джон Сомервилл в своей работе «Некоторые перспективы взаимоотношения между Россией и Западом, заложенные в истории русской философии» правильно определяет

роль Плеханова в истории марксизма в России и показывает преемственность развития революционной мысли в России. Он пишет: «...Плеханов, один из первых русских марксистов... Мыслитель, который продолжил начатое Чернышевским, так же как Чернышевский продолжил начатое Герценом, а Герцен — начатое Белинским»¹. Сомервилл показывает, что Плеханов, выросший в марксиста из народничества, критиковал Чернышевского и Герцена за некоторый народнический утопизм.

Зарубежные фальсификаторы истории русской и советской общественной мысли воздвигают непроходимую стену между Плехановым и советскими марксистами-ленинцами, например Р. Хезр утверждает в своей книжке «Пионеры русской общественной мысли», что большевики осудили Плеханова — ортодоксального марксиста как ««мелкобуржуазного» еретика-меньшевика», в результате чего он был «формально отлучен от большевистской партии» (?), и с тех пор «его идеи в современной России не в почете»². В отличие от них Д. Сомервилл в своей работе «Soviet Philosophy» справедливо утверждает, что «Плеханов — важный источник, особенно в своих ранних работах, из которого много почерпнул Ленин и работы которого широко используются в СССР»³.

Вопрос о Плеханове затрагивается во многих выходящих за границу книгах буржуазных авторов.

Иногда идеалистические философские позиции и плохое знакомство с марксистскими работами Плеханова приводят буржуазных авторов, даже тех из них, которые выступают против современной реакции, к неправильным выводам. Так, например, французский писатель и философ-экзистенциалист Ж. П. Сартр, касаясь рассуждения Г. В. Плеханова в книге «К вопросу о роли личности в истории» о законосообразности общественного развития, где Плеханов утверждает, что будь Бонапарт убит в начале своей карьеры, то на-

шелся бы другой генерал, и если в связи с этим темп и особенности исторического развития стали бы иными, то общая линия развития не могла быть принципиально иной, делает отсюда неправильный вывод, будто «здесь отбрасывается вся конкретная история. ...Случайность не существует или по крайней мере играет не такую роль, как думают»¹.

Здесь Сартр ошибочно приписывает Плеханову, как и всему марксизму, фатализм, отрицание роли личности в истории, что противоречит всему духу и сути взглядов марксиста Плеханова на исторический процесс, а также на роль в истории общества выдающейся личности.

С. Барон, дающий в своей статье «Первое десятилетие русского марксизма» более или менее объективное изложение деятельности плехановской группы «Освобождение труда» и характеристику ее роли в истории марксизма в России, допускает ошибку, когда утверждает, что русские марксисты, критикуя народничество, действовали наперекор западным марксистам, которые якобы верили, что «Народная Воля» способна свергнуть царский режим. «Даже Энгельс... — пишет он, — давал резкий отпор русским марксистам»². Это утверждение Барона явно противоречит высоким оценкам, которые давал Энгельс группе «Освобождения труда» в своей переписке с Плехановым и Засулич, в частности в том письме 1885 г., которое цитировалось во введении к нашей книге.

С. Барон умаляет значение группы «Освобождение труда», теоретически основавшей российскую социал-демократию, утверждая, что она не имела серьезного влияния на рабочее революционное движение в России, что полемический дух сочинений Плеханова не способствовал этому влиянию. Предвзятой и неубедительной является также попытка С. Барона представить дело так, что центральной идеей Плеханова в понимании прошлого, настоящего и будущего России является идея о господстве в России «восточного деспотизма».

¹ «Les temps modernes», septembre 1957, p. 377.

² S. Baron, The First Decade of Russian Marxism, «The American Slavic and East European Review», v. XIV, № 3, October 1955, p. 321.

¹ J. Somerville, Some Perspectives on Russia and the West from the History of Russian Philosophy. «Philosophy and Phenomenological Research», v. XIII, № 3, Buffalo, New York, 1953, p. 334.

² R. Hare, Pioneers of Russian Social Thought, London, 1951, p. 174.

³ J. Somerville, Soviet Philosophy, New York, 1946, p. 256.

Барон пишет: «Его революционная стратегия была основана на мнении, что Россия представляет восточное общество, рушащееся под напором западных влияний»¹. Достаточно обратиться к произведению Плеханова «Наши разногласия» и другим его марксистским произведениям 80—90-х годов, чтобы убедиться в несомнительности этого заключения: Плеханов анализирует внутренний процесс общественного развития России и приходит к выводу, что в ней действуют закономерности, общие ей и странам Запада.

Часто современные буржуазные авторы дают не только предвзятое, извращенное, но и во многом ложное изложение истории русской революционной мысли, изображая ее то как подражание Западу, то как «мессианство» и «эсхатологию». Так, в сборнике «Преемственность и изменения в русской и советской мысли» (вышел под ред. Э. Симмонса в издании Гарвардского университета США в 1955 г.), толкуя историю теоретической мысли в России, С. Шварц, Р. Хенкин, А. Эрлих, Т. Хаммонд и другие в своих статьях касаются и Плеханова. Пытаясь отдать известную дань объективности, Шварц пишет, что в трудах Плеханова в 80—90-х годах XIX в. русский марксизм выступил с обстоятельной характеристикой экономического развития России как капиталистического развития. Когда оппозиция против народничества возникла в левом лагере не во имя капитализма и капиталистических интересов, но во имя широких народных масс и, еще дальше, во имя ликвидации капитализма, центральным вопросом сделался вопрос о капиталистическом или некапиталистическом путях развития России. В труде Плеханова «Наши разногласия» мы находим крылатую фразу, повторяемую не один раз Плехановым и другими марксистами, утверждавшими, что Россия страдает не столько от развития капитализма, сколько от скудости этого развития. Эта линия аргументации была реалистической и логически безупречной, но для противников капитализма — психологически противоречивой. Это противоречие несколько смягчалось идеей близости падения капитализма, господствовавшей тогда

¹ S. Baron, Plekhanov's Russia: the Impact of the West upon an «Oriental» Society. «Journal of the History of Ideas», v. XIX, № 3, 1958, p. 390.

в европейских марксистских кругах¹. Тот же автор, говоря о книгах Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова», отмечает, что они пролили много света на проблему экономического развития и роль субъективного фактора в истории, нанесли неоправимый удар народнической идеологии. «Утопическая постановка вопроса, характерная для народничества в последнюю четверть XIX века, не могла удержаться перед лицом неопровержимых фактов экономического развития и не могла влиять на дальнейшее развитие русской экономической и социологической мысли»².

Вместе с тем в сборнике предпринимаются несостоятельные попытки изобразить Плеханова «типично западным марксистом» в противоположность Ленину, которого неправомерно объявляют представителем так называемого восточного марксизма. В обозрении Э. Симмонса, где признается, что Плеханов как марксистский философ и теоретик марксистской эстетики пользовался огромным престижем, делается неуклюжая и тенденциозная попытка противопоставить Плеханова не только Ленину и советской философии, но даже и Марксу и Энгельсу, которые якобы даже «не проявляли интереса к теории эстетики»; Симмонс вопреки истине утверждает, что Плеханов «из лоскутов и заплат... пытался создать ткань марксистской эстетики»³.

В сборнике «Социология двадцатого столетия» (Нью-Йорк, 1945) напечатана глава о русской социологии М. Лазерсона. Автор этой главы признает, что первым и лучшим марксистским социологическим трудом в России было произведение Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Он пишет: «Если в Западной Европе и особенно в Германии марксизм был только вспомогательным методом исследования в отдельных общественных науках, то русский марксизм стал орудием вмешательства в исторический процесс»⁴.

¹ См. «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought», Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1955, p. 54, 55.

² Ibid., p. 60.

³ Ibid., p. 452.

⁴ «Twentieth Century Sociology», New York, 1945, p. 689, 690.

Но, признавая, что Плеханов в отличие от «экономического материализма» Струве и других катедер-социалистов придает серьезное значение роли идей и деятельности личности в истории общества, Лазерсон делает отсюда «сногшибательный» вывод, будто марксизм Плеханова и вообще русский марксизм является «близнецом русской субъективной социологии». Нелепость подобного сближения русского марксизма с его идейным противником — народнической социологией — очевидна. Кроме того, М. Лазерсон повторяет избитые фразы фальсификаторов марксизма, расчленяющих его историю на два периода — революционный и «реформистский», на «два варианта» марксизма, из них второй, принятый Плехановым, был якобы в конце жизни сформулирован Энгельсом, что было, по нелепому выводу Лазерсона, «равносильно сдвигу, приблизившему марксизм ко всем видам идеализма»¹.

Открыто враждебные марксизму теоретики всячески умаляют роль Плеханова в философии. Например, Г. Веттер утверждает, что его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» есть просто «пересказ» книги Энгельса «Анти-Дюринг». Веттер приписывает Плеханову фаталистический взгляд на историю, считает, что Плеханов — проповедник позитивистской доктрины.

Пренебрегая изложением взглядов научного социализма, развиваемых Плехановым в процессе критики народничества, Г. Веттер без всякого основания отождествляет борьбу Плеханова против народничества с борьбой западничества против славянофильства.

«Борьба материалистов против этой веры (веры народников в самобытность русской крестьянской общины. — М. И.) есть просто продолжение той борьбы, которую вели западники против славянофилов. И действительно, для энтузиаста Плеханова было характерно известное западническое «умонастроение». Плеханов гораздо больше, чем Ленин, был западник, рационалист, просветитель»². Веттер не желает видеть никакой разницы между критикой реакционно-феодального славянофильства со стороны помещичье-буржуазных либера-

¹ «Twentieth Century Sociology», p. 691.

² G. Wetter, Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion, S. 97—98.

лов-«западников», апологетов капиталистического развития России, и критикой мелкобуржуазно-демократической идеологии народничества русскими марксистами в совершенно иных исторических условиях, когда Россия стала уже капиталистической страной.

Веттер не ограничивается нелепым противопоставлением Плеханова Ленину в критике народничества в 90-х годах, когда они оба исходили из одних и тех же идейных марксистских позиций; столь же неуклюже звучат утверждения Веттера, будто в отличие от Ленина, которому он неправильно приписывает волюнтаризм, Плеханов «акцентировал свое внимание на экономической, детерминистской и эволюционной стороне марксизма». Анализ сочинений Плеханова, написанных в 80—90-х и начале 900-х годов, направленных против народников, экономистов, «легальных марксистов» и бернштейнцев, неоспоримо доказывает, что Плеханов, будучи сторонником детерминизма и идеи развития, придавал большое значение роли передовых идей, революционного сознания в общественном развитии и возлагал свои надежды не на стихийный ход экономической жизни общества, а на революционные преобразования, которые свершит пролетариат.

Американский реакционный философ — прагматист Сидней Хук в своей книге «Маркс и марксисты» облыжно приписывает Плеханову догматизм и доктринерство. Он утверждает, что у Плеханова «рвение к доктринерской ортодоксии, даже когда доктрины являются двусмысленными, оказывалось сильнее его логической осторожности и проницательности». По измышлениям Хука, Плеханов «затемняет необходимые и нужные условия», «делает легкомысленные допущения»¹ и т. п.

Даже в области эстетики, где бесспорные заслуги Плеханова признаны многими буржуазными авторами, он, по утверждениям Хука, выступает как «догматик», ибо он «применяет теорию исторического материализма, но не для того, чтобы проверить ее действительность, но просто для иллюстрации претензий исторического материализма»². Необоснованные утверждения Сиднея Хука опровергаются всем богатством исторических фак-

¹ S. Hook, Marx and the Marxists, p. 58.

² Ibid., p. 60.

тов и философских обобщений в трудах Плеханова 1883—1903 гг., что было показано в предшествующих главах книги. Клевету Сиднея Хука на Плеханова можно объяснить только тем, что идеалисту-реакционеру ненавистен и невыносим революционный дух ортодоксального диалектического материалиста, каким долгие годы был Плеханов.

Кроме Веттера, Хеэра, Хука и других врагов марксизма, против Плеханова и его философских трудов в последние годы выступили со злобными пасквилями белоэмигранты, фальсифицирующие историю русской общественной мысли: Н. Лосский¹, В. Зеньковский², Н. Валентинов³, реакционный западногерманский профессор Макс Ланге⁴ и ряд других. Характерно, что религиозный философ-интуитивист Н. Лосский стремится использовать оплошности в некоторых формулировках Плеханова. Он, например, цепляется за его ошибочное выражение «иероглифы», за нелепую фразу о том, что мы «верим» в существование внешнего мира, раскритикованную Лениным. Из этих оплошностей Плеханова Лосский делает ничем не обоснованный вывод, что тем самым материализм был посрамлен.

«Плеханов, — пишет он, — понимал, что теории отражения, символизма и тому подобного не могут объяснить нашего познания свойств внешнего мира или доказать существование этого мира. Поэтому он был вынужден допустить, что наша уверенность в существовании внешнего мира представляет собой акт веры, и утверждал, что «такая вера составляет необходимое предварительное условие мышления критического, в лучшем смысле этого слова...»⁵

Ничего другого, кроме этих отдельных ошибок, в философских трудах Плеханова этот отщепенец, ослепленный ненавистью к марксизму и материализму, не нашел; он замолчал в своей книжке все доводы и аргументы Плеханова против многочисленных идеалистических те-

¹ N. O. Lossky, History of Russian Philosophy, New York, 1951.

² В. Зеньковский, История русской философии, т. I, Париж, 1948, т. II, 1950.

³ Н. Валентинов, Встречи с Лениным, Нью-Йорк, 1953.

⁴ M. Lange, Marxismus — Leninismus — Stalinismus. Zur Kritik des dialektischen Materialismus, Stuttgart, 1955.

⁵ N. O. Lossky, History of Russian Philosophy, p. 366.

чений русской философии XIX в., которые так подробно размазаны в книжке Лосского.

В. Зеньковский в своей двухтомной «Истории русской философии» отводит Плеханову всего-навсего 4 страницы, но и на них он нагромоздил массу нелепостей, начиная с общего заявления о том, что «у Плеханова, а затем в советской философии мы... находим фатальное тяготение к метафизическому материализму»¹. Нет необходимости доказывать, что этот взгляд противоречит всему духу и содержанию марксистских работ Плеханова, проникнутых марксистской диалектикой. Особенно рьяно нападает богослов Зеньковский на марксистские положения Плеханова о диалектическом единстве свободы и необходимости, о том, что свобода есть познанная необходимость. Зеньковский, не затрудняя себя какими-либо доказательствами, утверждает, что Плеханов в этом вопросе «буквально повторяет утопию Маркса, а Маркс воспроизводит здесь старое интеллектуалистическое положение Спинозы с той лишь разницей, что у Спинозы имеются только отдельные элементы утопии (в доктрине о человеке), тогда как у Маркса, а после него — у Плеханова, доктрина «царства свободы» является основой целой революционной программы»².

Лютый враг научного социализма, Зеньковский считает социализм «утопическим царством свободы» и решительно отвергает научные выводы марксизма о закономерности сознательной деятельности людей для революционного преобразования мира на основах социализма, обоснованные Плехановым. Зеньковский, как и Лосский, цепляется за самые слабые и ошибочные моменты в воззрениях Плеханова, за его отступления от революционного марксизма. Так, он восхваляет уступки Плеханова кантианскому «этическому идеализму» (в работах периода первой мировой войны), когда, став социалшовинистом, Плеханов скатился на позиции кантовской теории морали с ее так называемыми простыми законами права и нравственности. Отсюда Зеньковский делает неправомерный вывод о том, что в основе взглядов Плеханова лежал этический идеализм. Будучи ортодо-

¹ В. Зеньковский, История русской философии, т. II, Париж, 1950, стр. 276.

² Там же, стр. 279.

ксальным диалектическим материалистом в теории, Плеханов, по утверждению Зеньковского, «на практике... был склонен искать поддержку в этическом идеализме Канта... Борьба за освобождение рабочих от ига капитализма приобрела для Плеханова чисто моральное значение — в духе этического идеализма»¹. Революционно-марксистский дух взглядов Плеханова, ярко выразившийся в его работах 1883—1903 гг., прямо вопиет против подобных лживых утверждений протоиерея Зеньковского. Столь же лживо Зеньковский утверждает, что так называемая теория иероглифов Плеханова, которую он рассматривает как «теоретико-познавательный символизм», «приближается вплотную к позиции теоретико-познавательного идеализма», а материализм Плеханова он ставит под сомнение.

Макс Ланге в своей клеветнической книжонке «Марксизм — ленинизм — сталинизм», не отводя Плеханову специального места в истории марксизма, повторяет избитую версию Веттера о том, что работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» является якобы просто «парафразой «Анти-Дюринга»». Изображая Плеханова догматическим приверженцем материализма, Ланге делает ничем не обоснованные и вздорные выводы о том, что материализм Г. В. Плеханова, П. Лафарга, А. Лабриола, Ф. Меринга и других марксистов конца XIX в. является «наивным реализмом», что «теория познания не играет для них никакой роли» и т. п. Плеханову и другим русским марксистам Ланге противопоставляет Э. Бернштейна, К. Шмидта, Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, а затем К. Форлендера, М. Адлера, О. Бауэра и других ревизионистов, изображая их «новаторами», искавшими «новых философских основ социализма».

Католический философ И. Бохенский, известный своими фальсификациями диалектического материализма, не жалеет дегтя, чтобы очернить русских марксистов, в том числе и Плеханова; он приписывает им догматизм и даже «мессианство» — мистическую веру в спасение человечества при помощи социализма. По его утверждениям, русские революционеры конца XIX в., первым из которых был Плеханов, тяготели к марксизму,

¹ В. Зеньковский, История русской философии, т. II, стр. 246.

потому что это учение якобы носило доктринерский и революционный, атеистический и мессианский характер. Бохенский запутывается в клубке вопиющих противоречий, пытаясь приписать русским марксистам соединение несоединимых вещей: доктринерства и революционности, атеизма и мессианства.

В книгах реакционных авторов по истории общественной мысли в России XIX в. философские труды Плеханова, как правило, специально не исследуются, они затрагиваются мимоходом лишь для того, чтобы противопоставить Плеханова Ленину и советской философии, лишь для того, чтобы раздуть слабые и ошибочные стороны в мировоззрении Плеханова в целях «посрамления материализма».

Буржуазные авторы, равно как философские ревизионисты, предпочитают замалчивать марксистские труды Плеханова, не разбирают их по существу, ибо его страстная борьба за научное материалистическое мировоззрение претит идеалистам всех мастей, а его научная аргументация не может быть ими поколеблена.

Верные марксизму коммунистические и рабочие партии, следуя указаниям Ленина, хранят, высоко ценят и используют в своей идеологической борьбе марксистское идейное наследие Плеханова.

Марксисты в зарубежных странах выступают с разъяснением и трактовкой теоретических взглядов Плеханова, отстаивают его марксистское наследие от реакционеров и ревизионистов. Английский историк-марксист Эндрю Ротштейн в своей статье «Два эпизода из истории русской социальной мысли» говорит об общности и различии взглядов Ленина и Плеханова на русскую революцию в годы перед революцией 1905 г. «И Ленин и Плеханов, — пишет Э. Ротштейн, — верили в 1903 г., что грядущая русская революция должна быть буржуазной по характеру, не социалистической, т. е. что свержение царизма и устранение пережитков феодализма должно оставить за классом капиталистов его экономическую силу. Но Плеханов думал, что буржуазия может играть революционную роль. Ленин был уверен, что она не может и не будет играть подобной роли»¹.

¹ А. Rothstein, Two Episodes in the History of Russian Social Thought, «Anglo-Soviet Journal», v. XI, № 4, London, 1950—1951, p. 50.

Высокую оценку марксистских трудов Плеханова дает итальянский марксист Джузеппе Берти в своем введении к книге «Русская демократическая мысль XIX века», выпущенной в 1950 г. в Италии.

Коммунистическая партия Советского Союза, следуя заветам Ленина, высоко оценивает марксистские труды Плеханова и делает все необходимое для их распространения и изучения в нашей стране. В связи со 100-летием со дня рождения Плеханова Центральный Комитет КПСС 16 октября 1956 г. принял специальное решение, в котором дана ясная и исчерпывающая оценка политического пути и мировоззрения Плеханова, как первого выдающегося пропагандиста марксистских идей в России и борца за научное материалистическое мировоззрение. В постановлении ЦК КПСС раскрывается политическое грехопадение Плеханова после II съезда РСДРП, показывается, что оно было связано с непониманием им новой исторической эпохи, с неумением творчески применить марксизм в новых исторических условиях. Была также намечена программа издания и изучения марксистских трудов Плеханова; утверждены мероприятия по увековечиванию памяти Плеханова¹.

Советским правительством в Ленинграде в 1928 г. создан Дом Плеханова, в котором собраны почти все рукописи, среди них немало неопубликованных и малоизвестных, рукописи в первоначальных редакциях, подготовительные работы, письма и библиотека Плеханова. В литературном наследии Плеханова есть материалы, связанные с деятельностью группы «Освобождение труда» в 1883—1903 гг., выступления Плеханова против ликвидаторства в годы реакции, материалы по вопросам борьбы за марксистское мировоззрение в международном рабочем движении, по проблемам истории философии и общественной мысли.

Широко отмеченное по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза столетие со дня рождения Плеханова в нашей стране, а также в других социалистических странах, новые издания его избранных произведений, в том числе философских, выход в свет ряда работ о нем еще более

¹ См. «Справочник партийного работника», Госполитиздат, 1957, стр. 365.

подняли интерес к Плеханову и его марксистским трудам в нашей стране и за рубежом.

Марксистские труды Плеханова по философии, содержащие острую и глубокую критику буржуазной реакции, философского идеализма и религии, во многом сохраняющие ценность и актуальность и в наши дни, послужат делу марксистского воспитания трудящихся, формированию их научного материалистического мировоззрения.